

СССР нередко служат темой для интересных публикаций²⁵. Именно в 1960—1977 гг. у нас в стране и за рубежом были изданы многие поэтические и прозаические произведения деятелей советской цыганской литературы²⁶.

И наконец, отметим публикацию у нас двух небольших статей на латышском языке, посвященных вопросам цыганской истории, литературы и проблеме обучения цыганских детей в школе²⁷.

Приведенные нами дополнения к очерку цыганологических исследований в СССР ни в коей мере не умаляют того огромного значения, какое имеет для цыганологии новый сборник «Польской этнографии». Хочется поблагодарить польских товарищей за их интересную и плодотворную работу и пожелать им дальнейших успехов в исследовании цыган.

Лекса Мануш

²⁵ См., например: *T. Ventsel. We are Gypsies. Notes on the development of Gypsy culture in the USSR.*— «Moscow news», 1977, № 48, 26 November, p. 4.

²⁶ См.: *А. В. Германов. Повести и рассказы. Перевод с цыганского М. Варданко. М., 1960; Н. Пильгук. Цыганська поезія. Вперше українською.*— «Літературна Україна», Київ, 1971, 17 серпня, № 65 (2865), с. 2; *И. Романо (Панченко). Прощай, мой табор. Стихи. Барнаул, 1968; его же. Подарок Чергем. Рассказы. Барнаул, 1975; Н. Саткевич. Струны. Перевод с цыганского. Тула, 1972; Л. Мануш. Хочу лошадку. Стихи. Перевод с цыганского Э. Мошковской. М., 1973; «Костры. Сборник стихов цыганских поэтов». М., 1974; *L. Manuš. Quelques poésies du Tsigane letton Karlis Rudevičs.*— «Études Tsiganes». Paris, 1973, № 4, p. 1—6; *его же. Angil sāro izis lav.*— «Roma», Chandigarh, 1976, v. 2, № 1, p. 48—51; «Zwei Gedichte von Leksa Mānūs.*— «Mitteilungen zur Zigeunerkunde», Mainz, 1977, № 5, S. 2—5.

²⁷ *L. Mānūs. Par čiganu tautu un tās literatūru.*— «Literatūra un Māksla», Rīga, 1968, 14. septembrī; *его же. Jamacās visiēm.*— «Padomju Jaunatne», Rīga, 1970, 7 aprīlī, № 68.

НАРОДЫ СССР

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. VIII. М., 1978, 199 стр.

Очередной, восьмой выпуск хорошо уже зарекомендовавшего себя в научном мире серийного издания «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» состоит из десяти статей и указателя к первым пяти выпускам.

Диапазон работ, включенных в сборник его ответственным редактором Р. С. Липец, весьма широк как хронологически (от XVIII в. до наших дней), так и тематически. В сборнике освещены многие важные проблемы в области этнографии, фольклористики и антропологии: типологизация форм общины, историзм устного народного творчества, метод М. М. Герасимова реконструкции лица по черепу и др. Большое внимание уделено и ареальным этнографическим исследованиям в прошлом (в Поволжье, на Урале, в Сибири). Значительная часть опубликованных в выпуске статей основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Общепринятый в историографии прием рассмотрения сборников — постатейный анализ в порядке размещения статей (кстати, в рецензируемом выпуске они расположены в хронологическом порядке) оправдан и с логической, и с историографической точек зрения. Но мне хотелось бы нарушить этот традиционный прием и начать рассмотрение с наиболее интересной, на мой взгляд, обобщающей работы А. И. Першица «Проблема типологизации общины в доревлюционной русской и советской этнографии». Она представляет собой историографический обзор русской и советской научной литературы по истории развития общины и опыт ее типологизации с позиции современной советской этнографии.

И остротой поставленной проблемы, и четкостью историографического анализа, и осторожностью выводов из дискуссии, проходившей в ряде журналов, в том числе и в журнале «Советская этнография», статья А. И. Першица выгодно отличается от многих работ подобного рода. Автор перечислил все главные высказанные ранее мнения по проблеме типологизации общины, показал точки их пересечения в дискуссии и перспективы исследования.

Вот как раз о дальнейшем изучении проблемы типологизации общины и хотелось бы сказать, откликаясь на эту глубокую и нужную статью. А. И. Першиц ограничил себя историографическим анализом русских (доревлюционных и советских) работ по общине. Это — право автора, и его трудно оспаривать. Однако следовало бы сказать, существуют ли зарубежные исследования на эту тему, и, главное, оказали ли они какое-либо воздействие на взгляды советских авторов. Кроме Л. Г. Моргана, автор не назвал никого, кто бы высказался по данному вопросу. Нам представляется, что творческое

осмысление опыта зарубежной историографии по проблеме типологизации общины — первоочередная историографическая задача

Что же касается отечественных исследований по данной проблеме, то хотя статья и посвящена ее этнографическому аспекту, хотелось бы видеть анализ расширенным за счет работ советских историков и экономистов по соседской общине: ведь в некоторых из них затрагиваются и проблемы дососедских общин. Тем более, что дальнейший анализ типологизации общины, как справедливо отмечает сам автор, требует углубленного исследования общинных структур и в первую очередь их экономической основы — форм собственности.

Выделение работы А. И. Першица среди других статей выпуска вовсе не означает, что остальные стоят рангом ниже. Отнюдь нет. Каждая из них интересна, своеобразна, вносит что-то новое в исследуемую проблему. Такова статья В. П. Аникина «Исторический метод изучения былин», посвященная историографическому анализу труда А. И. Никифорова «Фольклор Киевского периода». Автор умело определяет место и значение этого труда в былиноведении, в становлении современной точки зрения на происхождение русских былин. Основное внимание В. П. Аникин уделяет проблеме историзма фольклора в советской науке 30-х годов, хотя и совершает некоторые экскурсы в фольклористику более позднего периода. Начатое автором исследование хотелось бы видеть продолженным; при этом заслуживали бы рассмотрения выводы исследователей 60—70-х годов о времени возникновения былин, их специфике, сходстве и различии былин и исторических песен как жанров и современные толкования былин о Добрыне, Святогоре и др. Работа подобного рода тем более необходима, что дискуссия по этим и другим проблемам русского эпоса требует историографического осмысления достигнутых советской наукой результатов. Статья В. П. Аникина представляет собою начало именно историографической оценки творчества А. И. Никифорова — ученого большого масштаба, недостаточно еще оцененного нашей историографией.

Статья З. Д. Титовой «Ранние страницы этнографического изучения Сибири» посвящена анализу дневника путешествия Д.-Г. Мессершмидта — видного ученого-энциклопедиста XVIII в., отдавшего большую часть своей жизни служению русской науке. Несомненно научная ценность этой статьи, по-новому раскрывающей историко-этнографические богатства хранящегося в архиве АН СССР дневника (автором статьи был сделан перевод отдельных фрагментов дневника со старонемецкого на русский).

В настоящее время дневник Мессершмидта издается совместно АН СССР и Берлинской Академией наук на немецком языке в Берлине. З. Д. Титова выражает надежду, что материалы Мессершмидта, являющиеся общим достоянием двух народов, будут со временем полностью опубликованы в СССР на русском языке. Кстати, перевод первого дневника Мессершмидта, сделанный еще в предвоенные годы Е. В. Лавровой-Болдыревой, и хранящийся в архиве Ленинградской части Института этнографии АН СССР, ждет своей публикации. Статья З. Д. Титовой — лишнее напоминание о важности издания этого уникального в своем роде исторического источника.

Работа Н. М. Щербанова «Фольклорные и этнографические интересы И. И. Железнова» продолжает давнюю традицию серии исследований по истории этнографии и изучения фольклора русского населения Урала, помещенных в «Очерках истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». И. И. Железнов был писателем и историком, живо интересовавшимся также этнографией и фольклористикой, открывшим крупный очаг преданий о Степане Разине и Емельяне Пугачеве. Кроме историко-этнографических материалов, он оставил ценные сборники фольклорных текстов.

Работа Н. М. Щербанова нова по материалу, основана на богатом фактическом материале. Автор создает запоминающийся образ писателя-шестидесятника и, верно указывая на ограниченность его мировоззрения, в то же время умело подчеркивает прогрессивные стороны творчества И. И. Железнова, сближающие его с Ф. М. Решетниковым, В. А. Слепцовым, А. И. Левитовым и др.

Статья Н. М. Щербанова ценна не только профессиональным анализом творчества И. И. Железнова, но и тем, что дает возможность полнее и правильнее оценить роль В. Г. Короленко и В. И. Семева в сохранении для будущих поколений собранных Железновым материалов, которые они использовали в своих произведениях (к сожалению, архив И. И. Железнова утерян). Так, в очерки В. Г. Короленко «У казаков» и «Пугачевская легенда на Урале» вошли в переработанном виде песни и легенды, записанные И. И. Железновым.

Статья А. М. и Н. Ф. Мокшиных «Из истории этнографического изучения мордвы в России» содержит обзор важнейших вех изучения культуры мордовского народа и этнографической работы по этой проблематике в дореволюционный период. В ней освещается деятельность как отдельных собирателей и исследователей, так и ряда научных обществ и учреждений: Академии наук, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Общества истории, антропологии и этнографии при Казанском университете, Финно-угорского общества и др. Читатель найдет в статье материал об экспедиционных исследованиях среди мордвы, о музейных этнографических коллекциях, о собраниях мордовского фольклора. Статья полезна и как библиографическая сводка данных по этнографии мордвы дореволюционного периода.

Работа И. С. Гурвича и И. Ф. Беленкина «С. И. Мицкевич как этнограф» в значительной части написана по неопубликованным архивным материалам. С. И. Мицкевич — ученый-революционер, соратник В. И. Ленина, врач по образованию, находясь в ссылке

не только развернул широкую деятельность по организации медицинской помощи якутам, но и пристально изучал в медико-психологическом аспекте явления полярной истерии и шаманства. Среди собранных С. И. Мицкевичем материалов по этнографии Колымы особенно важны сведения по истории шаманства. С. И. Мицкевич умело сочетал в своих исследованиях методику и естественнонаучных, и гуманитарных дисциплин, что позволило ему внести существенный вклад в изучение сибирского шаманства, трактуемого им как цельная система верований, представлений о Вселенной, человеке, духах, душах и т. д. Очень интересны его материалы о камланиях сибирских шаманов.

Работа двух ближайших сотрудниц М. М. Герасимова — М. М. Герасимовой и Т. А. Сурниной (написанная при участии Г. И. Медведева) — «Научная деятельность М. М. Герасимова» — нова по установке. Она знакомит читателя не только с разработкой этим выдающимся ученым метода восстановления лица по черепу, но и с его разносторонней научной деятельностью в целом (многолетние занятия археологией, реставрационные работы и пр.). Статья содержательна по материалу, живо написана. Можно было бы пожелать авторам подробнее рассказать о М. М. Герасимове как создателе новой отрасли антропологической науки, оказавшей большую не только научную, но и практическую помощь развитию советской культуры в целом. М. М. Герасимов, как известно, приобрел популярность и в СССР и за рубежом. Выполненные им пластические реконструкции дали возможность ознакомить широкие массы с научно достоверными образами наших далеких предков. Именно потому была так велика роль М. М. Герасимова и в развитии музейного дела.

Крупнейшему ученому рубежа XIX—XX вв. академику В. Ф. Миллеру в настоящем выпуске посвящено две статьи. Одна из них — «Грузиноведческие интересы В. Ф. Миллера», написанная Г. В. Цулая, привлечет внимание и этнографа, и историка науки. Автор применил метод комплексного изучения вопроса, что дало, несомненно, положительный результат. Он подчеркивает, что для В. Ф. Миллера, который, в основном, известен как иранист и фольклорист, работы в области грузиноведения (при всей их несомненной значимости) не были главными. Но тем не менее, ученый и в этой области сделал оригинальные и важные открытия, подтвержденные дальнейшим развитием науки (хотя приоритет В. Ф. Миллера не всегда четко отмечен в последующих публикациях). Г. В. Цулая дает высокую оценку серьезным грузиноведческим изысканиям В. Ф. Миллера в самых разных областях науки — археологии, этнографии, истории, фольклористике, литературоведении, — указывая, что широта интересов ученого обращала на себя внимание и его современников.

Вторая статья о В. Ф. Миллере — посмертная публикация главы 15-ой — «Всеволод Федорович Миллер у себя дома» из рукописного труда В. В. Богданова «Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848—1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки». В. В. Богданов более четверти века работал рядом с этим выдающимся исследователем в различных научных обществах и учебных заведениях и близко знал его многочисленных учеников и соратников. Труд В. В. Богданова, основанный главным образом на его личных воспоминаниях, рассказывает о жизни и научной деятельности не только В. Ф. Миллера, но и многих других представителей прогрессивной интеллигенции России, группы ученых и общественно-политических деятелей, связанных с В. Ф. Миллером общностью научных интересов (М. М. Ковалевский, Д. Н. Анучин, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Ф. Е. Корш, А. В. Марков и др.).

Публикация главы из рукописи Богданова осуществлена Р. С. Липец, которая в целом весьма успешно решила важную для советской историографии проблему расширения ее источниковой базы. С археографической точки зрения текст подлинника передан верно, хотя некоторые принципы археографической передачи текста полностью не соблюдены. Так, в местах пропусков, обозначенных отточиями, обычно указывается, что именно опущено и по какой причине (в данном случае материалы не этнографического характера). В заголовке статьи не отражено название двухтомного труда Богданова, указанное, правда, в самом тексте статьи.

Хотелось бы видеть во вводной статье Р. С. Липец, посвященной в основном самому В. В. Богданову, хотя бы краткую характеристику неопубликованных глав его труда, а не только перечень их названий, сделанный в свое время ученым. Судя по опубликованной заключительной главе, несомненно целесообразность издания всего труда В. В. Богданова, хранящегося в архиве Института этнографии АН СССР (в Москве).

В рецензируемом выпуске помещен (издаваемый также посмертно) доклад Г. У. Эргиса о якутском ученом Г. В. Ксенофонтове. В докладе освещены собирательская деятельность ученого, его взгляды на некоторые проблемы этнической истории якутов, якутского шаманства и культуры народов Сибири. В качестве приложения публикуются образцы переводов на русский язык фрагментов из якутских олонхо, сделанные Ксенофонтовым.

Публикация подготовлена к печати Н. А. Алексеевым, который выполнил ее на хорошем археографическом уровне (однако отточия также не оговорены), снабдив необходимыми библиографическими ссылками и примечаниями. Жаль только, что к работе не приложено описание архива Г. В. Ксенофонтова, — оно бы существенно повысило значение данной публикации, ввело в научный оборот архивный материал и сообщило ей также характер научно-справочного издания. Это тем более необходимо, что вводная статья Н. А. Алексеева посвящена главным образом Г. У. Эргису, а о Ксенофонтове приведены лишь самые общие сведения.

Сборник завершает указатель статей, опубликованных в первых пяти выпусках «Очерков истории этнографии, фольклористики антропологии», составленный Б. Г. Гершкович, причем, помимо алфавитного указателя авторов статей, дан еще именной указатель к статьям. Все это существеннейшим образом облегчит работу исследователей. Из Указателя (составленного в целом грамотно и умело) остается, к сожалению, неясным, были ли в печати рецензии на первые пять выпусков «Очерков». Встречаются отдельные неточности в написании фамилий (Словинецкий Епифаний вместо правильного Славинецкий). С полиграфической точки зрения указатель набран не вполне экономно: многократно повторяется буква «с» (сокращенное «страница»), без которой можно было бы обойтись, набрав номера статей полужирным шрифтом или курсивом, а страниц — обычным.

В целом книгу закрываешь с чувством удовлетворения и благодарности авторскому коллективу и ответственному редактору выпуска за интересный и свежий в научном отношении материал, по-новому освещающий многие важные и спорные проблемы русской этнографии, фольклористики и антропологии. Радует, что авторами выпуска являются исследователи не только из научных учреждений Москвы и Ленинграда, но и из ряда периферийных центров (Якутский филиал Сибирского отделения АН СССР, Мордовский государственный университет, Уральский государственный педагогический институт). Все это свидетельствует о том, что данное серийное продолжающееся издание фактически превращается во всесоюзный центр изучения истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.

Л. Н. Пушкарёв

**В. С. Зеленчук, [Ю. В. Попович], Л. Д. Лоскутова. Традиций ши кон-
темпоранитате. Кишинев. 1977, 103 с. с илл.**

Рожденные жизнью традиции отражают быт, характерные черты народа. Они имеют важную функцию: воспитывать в первую очередь подрастающее поколение и утверждать прогрессивные идеи современного общества. Поэтому пропаганда и внедрение в жизнь народа современных праздников и обрядов, так же как сохранение и развитие прогрессивных праздничных традиций прошлого, играют важную роль в процессе формирования нового человека.

Этим и другим актуальным вопросам, связанным с современными праздниками и обрядами в Молдавской ССР, посвящена рецензируемая работа кишиневских этнографов В. С. Зеленчука, [Ю. В. Поповича], Л. Д. Лоскутовой «Традиции и современность» Книга состоит из трех глав, введения и заключения.

Во введении авторы рассказывают о рождении традиционных праздников и обрядов, об их бытовании и развитии, отмечая отрицательное влияние церкви на народные обычаи в прошлом. Они выделяют ряд этапов в развитии современной обрядности в республике, обусловленных коренными изменениями, произошедшими в жизни народа за годы Советской власти. Здесь же выявляются главные направления изменений народных традиций в настоящее время:

1) отказ большинства людей от некоторых архаичных и религиозных праздников и обычаев;

2) преобразование в соответствии с духом времени ряда традиционных праздников и ритуалов (новогодних и весенних календарных обычаев, обрядов, связанных с бракосочетанием и рождением детей, и др.);

3) возникновение новых праздников и обрядов (общегосударственных, профессиональных, различных социальных и возрастных групп, семейных обрядов и др.).

В первой главе «Революционные праздники и общественные ритуалы» характеризуются праздники, рожденные международным революционным движением еще до установления Советской власти в нашей стране (1 Мая и 8 Марта), и государственные праздники, возникшие после 1917 г. (годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, День Советской Армии, День Советской Конституции, День Победы и др.), ставшие неотъемлемой частью жизни советского общества.

В этой же главе рассматриваются новые праздники и ритуалы, связанные со знаменательными моментами в жизни советских детей и подростков («прощание с детским садом», проводящееся в последние дни августа, «Первый звонок» — 1 сентября, «Прощай букварь» — в конце декабря, прием в пионеры — в день рождения В. И. Ленина, вручение комсомольского билета и др.). Все эти новые ритуалы, являющиеся памятными событиями в жизни детей и подростков, способствуют воспитанию у них таких моральных качеств, как коллективизм, уважение к старшим, советский патриотизм и т. п.

В книге рассматриваются также обычаи и обряды, связанные с различными этапами профессионального обучения и трудовой деятельности советских людей. Среди них — торжественное посвящение в студенты, прием молодых специалистов (выпускников профессионально-технических училищ) в ряды рабочего класса, проводы в Советскую Армию, встреча демобилизованных воинов, чествование ветеранов труда, проводы на